

АНДРЕЙ МЕРЗЛЯКОВ

Чертог

МЫ ТУТ НЕ ОДНИ

Андрей Мерзляков

Чертог

«Издательские решения»

Мерзляков А.

Чертог / А. Мерзляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936979-6

Что-то случилось в старом доме, где прошло моё детство. Ночью мама звонит и просит о помощи. Куда-то пропал отец. Я тут же выезжаю в ночь, не зная, что меня там поджидает нечто пугающее...

ISBN 978-5-44-936979-6

© Мерзляков А.
© Издательские решения

Содержание

1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Чертог

Андрей Мерзляков

© Андрей Мерзляков, 2019

ISBN 978-5-4493-6979-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раз – идём с тобою в лес.
Тьма его полна чудес.
Два – назад ты не смотри,
Там разбиты все мосты.
Три – иди только вперёд.
Не бойся тьмы, не она – гнёт.
Четыре – долгой будет ночь.
Рассвет не в силах здесь помочь.
Пять – виновата здесь не мгла,
А то, скрывает что она.
Шесть – услышишь долгий крик.
Кричит во тьме ночная выпь.
Семь – цифры, впрочем, тут вне счёта,
Открой глаза, не бойся гнёта.
На то, что сзади, не смотри.
Я досчитаю до восьми.
Девять – у мглы есть красота.
И пусть смертельна так она...
Десять. Всё. Окончен путь.
Назад уже не повернуть. Беги. Спасайся.
Лишь вперёд.
Не тьма песнь смерти здесь поёт
А ты. Сама себя убьёшь.
Ночной кошмар ведь не сотрёшь.
Ты обернись. Смотри назад.
Там свет, для света нет преград.
Прости, что я подвёл тебя.
Ведь самого накрыла тьма.
Там позади тебя был свет.
Но ты ушла. Спасенья нет.
Я досчитаю до десяти.
Смотри, как гаснет свет в ночи.

1

Ночью прозвенел звонок, и я тревожно включила свет.

Кто может звонить в столь поздний час, если ничего не случилось? Правильно, тот, у кого что – то произошло. Я сразу начала думать о родителях, потом о сестре, потом о дяде. В такие минуты сама понимаешь, что вероятность того, что звонивший ошибся равна нулю.

Я подвинула телефон, понимая, что сон как рукой сняло – уже в голове перебрала всё, что могло произойти. Ну, или почти всё.

– Алло? – поднесла я трубку к уху, чувствуя, что рука вдруг начала леденеть а пальцы стали будто железный хомут.

– Привет, – раздался хриловатый голос мамы.

Я пыталась услышать в нём нотки тревоги и кажется, нет я почти уверена – они были, потому что её голос дрожал.

Я посмотрела на часы: большая стрелка с маленькой стояли почти что в одном направлении – 3:15.

Что могло заставить маму позвонить среди ночи? Раньше никогда такого не случалось.

– Дочь, я боюсь... – начала мама и остановилась.

Тут мне стало действительно не по себе.

Они с папой вот уже лет сорок жили за городом, в трёхэтажном доме, построенным ещё до моего рождения. Или после, потому что в том возрасте, который я сознательно помню, он уже стоял на своем месте, с раскидистой крышей, широким балконом, а если точнее то двумя, соединёнными в один длинный, по которому я маленькая бегала, не унимаясь, бросалась камушками вниз, пока никто не видит, и запускала жуков, думая, что они откроют крылья и полетят.

Я давно перебралась в город. С мужем развелась четыре года назад, детей нет. Занималась карьерой. К родителям приезжала только по праздникам, сама понимая, что их годы уходят, что нужно больше времени проводить с близкими.

Чаще, я об этом думала, что вот – вот выберусь, приеду, побуду не час, а день, может и два – тем более гостей у родителей не бывает вовсе, за исключением сестры, которая с недавних пор живёт зарубежом. Но у меня никак не получалось, возможно, я постоянно искала причины и оправдания. Мамины звонки раздавались редко, чаще когда что – то нужно купить в аптеке в городе, так как за городом такого лекарства не приобрести. Там, конечно, была аптека, но в ней продавались только средства первой необходимости, а те лекарства, таблетки, прозрачные пузырьки, которые были нужны маме состояли из такого количества букв, что мне приходилась записывать их названия. Такие лекарства можно было найти только в центральной аптеке, а она находилась в городе.

– Что случилось, мам? – сердце у меня замерло, ожидая худшего. Я старалась об этом не думать, но мысли сам ползли в голову как пауки.

– Папа...

– Что с папой, мама? Мама, что случилось?

На той стороне кашель.

– Он пропал.

– Как пропал?

– Мы с ним повздорили, и он послал меня куда подальше. И ушёл.

– О Господи, мама. Я думала что – то страшное случилось!

– Стучилось, дочь, – но теперь в голосе была больше тоска и обреченность, чем страх или тревога. Видимо мама не могла просто оставаться одна, тем более такой длительный срок. – Я его никак не могу найти.

– То есть, мам? Он ушёл куда – то из дома? – я чувствовала, что ехать придется в любом случае. Рукой по очереди начала натягивать носки, выключила ночник и включила комнатный свет, слепящий и яркий.

– Он прячется, старый дурак. Он прошлый раз пошутил так надо мной. Спрятался на чердаке, а я его искала ходила, совсем меня извести хочет. И сейчас. Я слышу, что он смеётся где – то. Но найти его не могу, доченька. Давай ты приедешь, быть может он тебя послушает и перестанет так шутить! Я его и есть звала, приготовила сырники, кричала – кричала, а он так и не пришёл. Ходила в лодочный сарай, но там его нет. Может я не внимательно смотрела. Не знаю, что мне и делать...

– Мам, когда ты его видела последний раз? – я была в недоумении. Отцу было 74, но он был гораздо моложе по внешности, да и по всему другому, был энергичен, сам водил лодку, выгуливал собаку, когда она была, ремонтировал дом, где требовало время. Мама была старше на год, но иногда мне казалось, что она быстрее потеряет разум, чем отец.

Все мы когданибудь сойдем с ума, подумала я.

– Вчера. Он ходил за газетой, а потом мы поругались. Ему так сложно разуться перед порогом, а не после. Притащил грязь в дом. Я, конечно, сама виновата, дочь, но... Я уже не так молода, выбилась из сил. Что мне делать?

– Я сейчас приеду, мам. Ну, как, сейчас. Через час. Примерно. Ты может поспишь?

– Я не могу спать. Только ложусь и он в глубине дома начинает надо мной смеяться, дочь. Как тут уснёшь? Я лучше подожду тебя, чай поставлю. Твой любимый, с жасмином. Хорошо?

– Хорошо, мам, до встречи.

На той стороне раздались протяжные гудки: мама положил трубку.

Я пыталась обдумать услышанное. С папой никогда ничего подобного не было. Никогда. Я натянула джинсы и свитер, накинула пальто и вышла в холодную осень, встретившую меня потоком ветра, который и проводил меня, пока я не дошла до машины во дворе. Среди чёрной ночи горело только одно окно в доме.

Блин, забыла выключить свет.

Решила, что не буду возвращаться. Завела машину и сдавая назад, краем глаза глянула в боковое зеркало. В светящемся окне стоял отец.

Сердце заколотилось чаще, но приглядевшись, я поняла, что там ничего нет.

Померещилось, не иначе.

Я развернула машину и выехала на кольцевую дорогу, с неё свернула на шоссе.

В горле стоял ком. Я открыла бардачок и потянулась за бутылкой с водой.

Но она оказалась пуста, осушила её накануне.

По дороге вяло катились такси, их жёлтая расцветка нагоняла тоску.

Ни одного простого водилы. Неудивительно, в такой то час, когда все спят.

Дорога шла к озеру, а потом виляя, уходила мимо, далеко – далеко за поля. Маленькие деревянные домишки тянулись по правой стороне шоссе, а по левой блестела нежно голубая гладь, больше похожая на нарисованную акварелью картину. Так бы было днём или с восходом, а сейчас всё выглядело черными квадратами и такими же чёрными непроглядными плоскостями. Не знаю, почему, память реанимировала воспоминания об окружающей местности, видимо потому, что в столь поздний час я здесь не бывала.

По стеклу забарабанил мелкий дождь и я включила дворники. Дорога пустовала, даже машины такси в этих краях не встречались.

Немного сбавила скорость. Вглядывалась в окружение – но видела лишь черноту. Неужели заблудилась?

Пришлось остановить автомобиль и выйти на улицу.

Темные дома слева немного обрели очертания. Подъездные тропинки усыпанные гравием змеились в постройкам.

Холодно.

Не помню это место – возникла мысль, когда среди стогов сена на глаза попало пугало, вместо соломенной головы у которого был натянут мешок. Рядом стоял автомобиль, он словно въехал и на участок. Даже он, ну и конечно соломенное чучело, вызвали странное чувство тревоги.

Я закурила, выудив из почти пустой пачки сигарету и обошла машину. Озера не видно, хотя я была уверена, что оно было здесь, совсем рядом.

Не могла понять пар или дым выходит изо рта, но когда докурила, поняла, что пар: холод стоял словно уже была зима.

Решила ехать дальше, смутило лишь то, что никаких скоростных ограничителей, никаких встречных знаков за полчаса езды я не увидела.

Дальше дорога свернула налево и озеро осталось позади. Потом дорога ушла вправо и я увидела наконец старый фургончик, на обочине, разрисованный граффити и стоявший на кирпичках вместо колёс. Стало спокойней на душе, значит я на правильном пути. Сколько себя помню, он все время здесь стоял, этот фургон.

«Да он тут с войны стоит» – шутил как – то папа.

Темнота не отступала. Казалось, солнце не появится никогда. Около получаса спустя, машина выехала на гравий и миновав парочку домов, я наконец остановила автомобиль. Вот и дом, где прошло моё детство. Сделанный в давние времена отцом и дядей из песчаника, двухэтажный, массивный, очень приметный. Окна, сейчас тёмные и безжизненные, выходили на участок. При входе через железную ограду, тянущуюся примерно в два метра в высоту, росли высокие дубы и вязы, а их ветви переплетались и создавали ощущение навеса, или живой арки.

Когда я была маленькая, эти деревья были тоже маленькие. Сейчас они походили на вымахавших исполинов, почти закрывавших собой дом.

На первом этаже горел свет, в прихожей и на улице, тоже.

Я зашагала навстречу, железная калитка была слегка приоткрыта. Дальше следовала тропа до самого порога. Кусты разрослись и так и норовили зацепить меня.

Я в полумраке оглядела сад, но не увидела ничего, кроме черных квадратов, непонятно что за собой скрывавших. Окна стали ближе, и через одно из них, где располагалась кухня, я увидела силуэт мамы. Через пару шагов он стал чётче так, как ракурс сменился. Женщина хлопотала на кухне и кажется с кем – то разговаривала, по крайней мере, её губы точно двигались, будто она что то кому – то объясняла, или даже пела, но из – за занавески сложно было разобрать так ли это, или нет.

Я подошла и поднялась на порог. Входная дверь была заперта, и это очень хорошо, а то я иногда боялась, что будет такой момент, когда родителей не дай бог ограбят, потому что несколько раз приехав сюда обнаруживала дверь чуть ли не нараспашку. Старость не добавляет храбрости, часто говорил дядя, но здесь походу временами было обратное. Хотя я думаю дело больше в забывчивости. Или в беспечности. А может и то, и другое.

Мои мысли прервала мама, распахнувшая дверь. На лице её читалась тревога, хотя лицо светилось румянцем, возможно, она сама его натёрла до красноты, переживая и нервничая.

Мама выдавила улыбку и едва ли ей это удалось. Больше это походило на грусть.

– Проходи, милая, – сказала она осипшим голос, потом прокашлялась и голос вновь стал как раньше, – отец ушёл, не могу его найти. Я не так молода, понимаешь, сил уже нет. А он ещё умудряется шутить.

Я миновала гостиную и вместе с мамой прошла на кухню. Здесь царил порядок, всё разложено по полочкам, чисто, убрано. Одинокий тюльпан стоял в вазе на столе в углу. Окна все почти занавешены.

– Ты как, мам?

– Терпимо, очень переживаю. Вдруг отцу стало плохо? Или вдруг он вышел из дома и потерял дорогу домой... ты знаешь, в нашем возрасте всё возможно, доченька.

– Я его поищу сейчас. Ты звала его?

– Конечно, аж горло сорвала, – мама была в стеганном халатике, худенькая девочка, волосы которой полностью поседели, но блеска в глазах это не убивало.

Я смотрела в эти глаза и видела себя. Сейчас я мать, а она маленькая девочка, просящая о помощи. Мы с мамой словно поменялись местами.

– Пап! – крикнула я. Ответила мне лишь тишина. – Папа!

Ничего. Кажется, в доме были только мы одни – я и мама.

– Я включу везде свет? – мама в ответ одобрительно кивнула.

– Только на чердаке всё вверх дном. Там мои куклы, не пугайся.

– Куклы? – по спине пробежал холодок, когда я вообразила себе целую свору кукол, смотрящих на меня своими пустыми глазницами.

– Да, манекены, если точнее быть. Я думала шить, но зрение с каждым годом всё хуже. Думала подзаработать, ты же помнишь, я же раньше шила.

– Помню, мам. Папа себя последние дни как чувствовал? Не замечала ничего странного? Почему ты в полицию не позвонила?

– И что бы я им сказала, – вскинула руки мама, её брови встрепнулись и тут же опустились. – Что отец прячется? Они бы приняли меня за сумасшедшую. Стали бы они его искать светя фонариками по дому, лазая по подвалу? Конечно нет. Сказали ждать пару дней, тогда может быть произошли какие-то действия с их стороны. Знаешь, я думаю, что он просто спрятался, родная.

И в этот момент, словно укрепляя мамины слова, где – то наверху скрипнула половица. Я невольно вздрогнула.

– Мам, ты думаешь он наверху? Папа...

– Доченька, я так устала. Я звала его, а ему плевать, он меня просто наказывает. Я слишком стара, и сил у меня не так много как раньше. Пойдём, я налью тебе чаю, а дальше поищи его, прошу. Ты же знаешь своего отца. Тебя он послушается, а свою старуху нет.

– Хорошо мам.

Мы сели на кухне. Я слышала, как через приоткрытую створку окошка на улице гуляет ветер.

Мама положила на стол сырники, предварительно их разогрев, налила чай на две персоны. Стул папы пустовал, мне как – то стало не по себе, вид аккуратно сложенной газеты наводил такую тоску, что будто отца я больше не увижу.

Мама нервно чесала шею, с потерянным видом глядя в чашку с чаем, так и не отхлебнув при этом ни капли.

– Я пойду полежу, – вдруг сказала она, нарушив тишину, даже немного испугав меня. – Что – то мне не хорошо.

– Х-х-хорошо, мам, иди конечно. Мне нужен только фонарик.

Когда мама удалилась, я начала изучение дома, где прошло моё детство. Но теперь он был не мой дом, он был чужим, неприветливым, даже я бы сказала пустеющим и наполненным старостью.

Оставшись одна, я ощутила какой здесь спёртый воздух. В прихожей стоял ботинок отца, странно, что он был без пары. Я когда заходила, даже не заметила. Или он здесь появился, пока мы были на кухне?

Когда я добиралась до дома родителей, продрогла, хотя в машине и работала печка. Снег ещё не выпал, но поздняя осень давала о себе знать: белый покров скоро накроет все поля, деревья, города – как это обычно бывает, когда приходит зима.

Придя в дом за чаепитием я немного согрелась, но сейчас, с уходом мамы он вновь вернулся – холод.

Первым делом перед поисками папы я натянула носки, свернутые клубком и скорее всего мамины. Куртку не стала одевать, а с вешалки в коридоре, на время позаимствовала утепленную жилетку цвета мандарина, до боли знакомую.

В какой – то момент мне почудилось, что изо рта идёт пар и я остановилась в недоумении, пытаюсь понять так ли это на самом деле. Оказалось, что нет. Безумно захотелось покурить и глотнуть ещё чая, я просто всё никак не могла решиться начать поиски. Наверное, я больше всего боялась найти что – то из детства в доме, какую – нибудь вещь, которая откроет портал в то время, когда я была маленькая, добрая, не эгоистичная сука, отошедшая от всех и зарабатывающая только для себя любимой.

Как ты можешь так говорить? – спросил внутренний голос. – Ты же приехала помочь матери, помочь найти отца, который неизвестно куда пропал, ушёл, растворился в этом чужом, будто вовсе незнакомом доме.

Я приехала, потому что мама оказалась в отчаянном положении. Так я вообще бы сюда не поехала. Я не люблю это место. Никогда не думала, что родители так и будут здесь жить столько лет, не переедут, не разойдутся, не умрут... – и последнее моё слово словно породило ещё больший холод и он наполнил кухню и прихожую.

Теперь я ясно видела пар изо рта и начала ходить по первому этажу и в смятении закрывать окна, которые вдруг все стали открыты. Или они и до моего приезда были распахнуты?

Не могла вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.